

Сейте разумное, доброе, вечное... ISSN 2304-2443

Невский

Основан в 1825 году

алманах

№ 4 (96)
2017 г.

Усть-Луга

России

Валерий БОЛЬШАКОВ:

«Деревне обязан я многим,
Ведь долгие годы в ней жил...»

Читайте страницы 58-69

www.nev-almanah.spb.ru

Глава 5

Сентябрьской ночью в село пришла Красная Армия. Сколько радости было! Бог справедливый, завоевателей гнали, несмотря на потери. Петру с Катей было двойственно. Они и рады, что захватчик терпит крах, и испуганы за Грыць. Ведь ГПУ — это чудовище. Пронюхают — убьют. Грыць потерял покой, аппетит, не спит ни днем ни ночью. Его проникновенный ум ищет выход. Неужели его нет после всего, что с ним произошло за год последний?

Живя среди здоровья и сил, у человека всегда должен быть вариант для жизни. Если даже тяжелый, то обязательно с реальной надеждой на завтрашний день.

ГПУ такой надежды не даст, у них все очень просто и быстро, как в предыдущие годы, как в 37-38 годах. Все это хорошо понял Грыць от отца и мамы.

В его душу начинает все глубже вживаться раковой опухолью мысль, что это наказание. Разве не за что его карать? Он виновен, и наказание, как тень, рядом. После того, как Грыць принял освящение любовью, чувство вины выросло до невыносимой боли. Временами хочется самому положить голову на плаху. А плаха уже рядом. Безысходность...

«Я согласен с утра до ночи работать на этой земле вместе с моими дорогими спасителями. Неужели у меня нет такого права? — думает Грыць. — Что же это за жизнь такая, что нет ни оправдания, ни справедливости?»

«А те, кого ты убивал, тоже хотят справедливости...» — звучит где-то из подсознания.

Грыць идет в ночь, миновав свой двор. Некошениые береговые травы встречают его уже осенней прохладой. Лег в холодную траву. Звездное небо стало единственным свидетелем душевного состояния. Смотрел в звездное пространство, будто искал там ответ или спасение.

Звездное небо входит в человека космическим спокойствием, действуя, как сильнейшее лекарство. Только впусти в себя — ощутишь силу его влияния. Грыць смотрел в небо, будто впервые. В глубоком единении погружался в бездну, она его не пугала. Необъятные глаза Всевышнего серебряным мерцанием открыли свою тайну, покой снова возвратился. Раз в жизни человек может войти в состояние, когда открывается то, чего не знал, а знать должен. Людям известны человеческие законы, но не неба... Во многих культурах мира это состояние называется единением с Богом.

Закрылись утомленные глаза. Душа и тело погрузились в сон, похожий на вечный.

Родители всю ночь искали Григория. У Кати распухли от слез глаза, а Петро не может скрутить самокрутку: рука нервно дергается и операция не удается.

Нашли они его на берегу утром, когда солнце давно взошло. Грыць был в необычном состоянии. Еле разбудили. Глаза долго не открывались, когда подняли и начали вести его домой, шел, будто пьяный. Есть не захотел, был очень бледным, глаза сами закрывались. Его положили на печь, укрыли. Катя пошла в хлев, чтобы принести зелье, Петро снова затопил печь, начали готовить напиток.

Грыць уснул каким-то странным сном, а после обеда начал ворочаться, не просыпаясь. Под вечер он проснулся, у него была высокая температура. Задышавшись в бреду, говорил какие-то неизвестные слова, жестикулировал руками.

— Петя, у нашего Григория воспаление легких, — говорит Катя, — мои лекарства не помогут. Нужен врач.

Петро нервно ходил по дому. Его единственная рука будто что-то ловила на собственной шее.

— В соседнем селе был старый врач перед войной. Сейчас я пойду к Матвею Михайловичу, запрягу лошадь и съезжу, может, он нам поможет.

Через три часа Петро привез врача. Катя бросилась к нему со слезами:

— Доктор, дорогой! Сын тяжело больной, помогите! Вот у меня есть сережки золотые и перстень золотой. Мне не жаль, клянусь, помогите, пожалуйста, ради Бога, помогите! Врач осмотрел больного и сказал:

— Острая пневмония. Надо пенициллин, а его у меня, голубка, нет и взять негде, не надо мне твоих сережек, вот тебе таблетки, отводите жар рассолом из огурцов или капусты, поите травами.

— Я завтра чуть свет побегу в Нежин... Чернигов... Я выменяю пенициллин, — говорит Петро.

Врач положил ему на плечо свою руку: — Не надо, не делай этого... вези меня домой...

Возвращался домой Петро будто с разорванным сердцем, а когда вернулся, отведя коня, уже с дороги слышал, как надрывно рыдала Катя.

Грыць умер... Нарядили его в новую белую вышитую рубашку и новый костюм Петра, он его ни разу не надевал...

Петро собирался идти к дедам, чтобы сбить гроб. Зашел в дом, сел возле Григория и снова заплакал.

Вдруг во дворе послышался гул, стук калиткой, дверь. На пороге появился здоровый мужчина в гражданском и два милиционера в форме.

Сквозь согнутые отверстия глаз смотрели медные зрачки верзилы, полные равнодушного презрения и цинизма. «"Специалисты" по тридцать седьмому году», — подумал Петро. Они с Катей смотрели на них заплаканными, распухшими глазами, будто пришедшие были виновны в смерти Григория.

«Гости» не рассчитывали на такую развязку и растерянно стояли молча.

Гражданский спросил: — Кто он?

— Наш сын, — будто по команде вместе сквозь стон сказали разбитые горем родители.

Верзила кивнул головой и вышел, те два за ним.

Катя положила голову на холодные руки покойного:

— К Грыцью перед смертью возвратилось сознание. Он просил, чтобы мы не плакали за ним, это его большая просьба. Просил, чтобы похоронили его возле моих детей, что ему не страшно умирать, так как он уже знает, как любит мать и отец. И если есть тот, другой мир, он там будет молиться за нас и желать нам здоровья. Просил, чтобы ты бросил в печь его орден, а потом выбросил прочь. Он их ненавидит. А еще, чтобы мы иногда смотрели в звездное небо. Он будет лететь оттуда к нам на крыльях своей любви.

Грыць похоронили возле детей Кати. Возвращаясь с кладбища, Петро держал под руку едва живую Катю. Он думал: «Сделаю для тебя, сын, большой дубовый крест и напишу: Коваленко Григорий Петрович». Думая тяжелую думу, ему легче было идти.

О.В. ВАСИЛЬЕВА,
доктор филологических наук

ОБЪЕДИНЕНИЕ СИЛ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

Ситуация, сложившаяся в современном мире, когда между родственными нациями и народами возникают коллизии драматического напряжения, осложняет возможности общения, порождает затрудненность обмена мнениями, задерживает гуманитарные процессы мирового развития. Однако интеллектуальное сотрудничество ученых, научные сообщества исследователей, к всеобщему удовлетворению, демонстрируют успешность преодоления временных и временных препон, продолжают действенное взаимодействие, умеют подниматься над ситуативными преградами и в творческом взаимодействии активизируют интеллектуальный потенциал ученых различных стран. Этой высокой творческой цели служит периодическое научное издание, выходящее в Ивано-Франковске с 2010 года под названием «Султановские чтения», генерируемое, формируемое и курируемое главным редактором, доктором филологических наук, профессором И.В. Козликом (Украина, Ивано-Франковск). К настоящему времени подготовлены и вышли в свет шесть выпусков научного издания. Последнее среди них — Султанівські читання: [збірник статей] / редкол.: І.В. Козлик (голова) й ін. Івано-Франківськ: Симфонія форте, 2017. Вип. VI. 228 с.

Структура сборника гибка и емка — это разделы, которые охватывают сравнительное литературоведение, проблемы славянских литератур (особо выделяется украинская литература), научные вопросы литературы западной Европы и США, литератур Востока, вплоть до методики преподавания литературы. Рецензируемый сборник включает в себя более 20 статей на украинском, английском, русском, белорусском языках. Среди участников сборника основной массив составляют исследователи факультета филологии Прикарпатского национального университета им. Василия Стефаника (И. Козлик, Н. Ботнарченко, Н. Мочернюк, А. Солецкий, А. Турчанская, Д. Рега, О. Омельчук, И. Малишевская и др.), известные украинские ученые из Киева (Г. Александрова, В. Казарин, М. Новикова), из Луцка (Л. Оляндар), исследователи из России (О. Богданова), Беларуси (Ю. Стулов), ученые из Винницы и др.

Материал, к которому обращаются исследователи «Султановских чтений», обширен. Среди имен, которые оказались в поле зрения исследователей, — священные конфессиональные тексты, украинские писатели П. Мирный, Св. Гордицкий, Гр. Скворода, В. Стефаник, П. Филипович, О. Кобылянская, Н. Королева, И. Немировски, В. Полищук, русские классики А. Чехов и

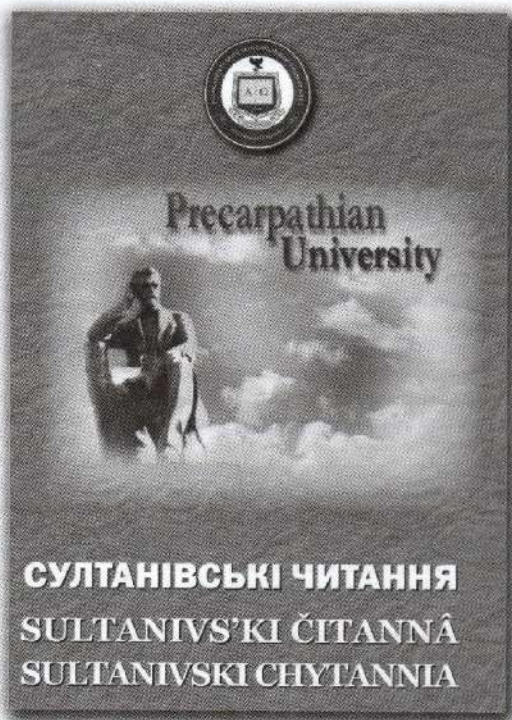
А. Ахматова, зарубежные имена – братья Гонкуры, В. Вулф, Ч. Милош, Э. Дорр, К. Уилсон, Толкин, китайский писатель Мо Янь, представители авангардной чешской литературы.

В сборнике, основанном на совмещении различных ракурсов научного изыскания в области разнообразных национальных литератур, несомненный интерес представляют собой работы, касающиеся проблем сопоставительно-сопоставительного литературоведения, в том числе русской и украинской литературы. Одной из первых среди них следует назвать статью Н. Ботнарченко «Интерпретация мотива смерти в новелле В. Стефаника "Повесился" и рассказе А. Чехова "Тоска"» (Украина, Ивано-Франковск). В статье Ботнарченко под углом компаративного анализа проанализирована семантика мотива смерти у Стефаника и Чехова и выявлены особенности символики художников, черты их колористического видения, осмысления художественного времени и пространства, ритуализации действия. По мысли исследователя, именно в конце XIX – начале XX вв. «писатели начали усиленно углубляться во внутренний мир человека, его сознание», «в бессознательное, метафизическое», в «экзистенциальные проблемы "жизни и смерти", значимости человека в этом мире или, наоборот, его незначительности». Именно эти аспекты и составляет существо научного ракурса Н. Ботнарченко, которая в текстах Стефаника и Чехова выделяет и сопоставляет сходную экзистенциальную ситуацию — смерть сына, оплакивание родителями своих умерших детей.

Новая и неожиданная грань творчества А. Чехова представлена в работе О. Богдановой «Рассказ А. П. Чехова "Человек в футляре": новое о системе образов» (Россия, СПб.). Исследователь демонстрирует попытку пересмотра образной системы рассказа Чехова и доказывает, что традиционная антитеза «футлярный человек Беликов // город и окружающая среда» далеко не столь однозначна, как было предложено исследователями прежде, и что мотив «футлярной жизни» вбирает в себя более емкий философский мотив – человеческое одиночество. В процессе исследования выявлены семантические корни разного образа мыслей и характера поведения Беликова и Коваленко, Беликова и Буркина, Беликова и Вареньки и других героев рассказа, дифференцированы значимые детали и стилиевые маркеры, позволяющие глубже обозначить философские интенции писателя. В работе по-новому увидена философская направленность рассказа «Человек в футляре»: социологически тенденциозный образ «футлярного» героя обрел черты героя трагического, достойного сожаления и повествователя, и читателя, героя прошлой эпохи, сродной умеренному либерализму героев середины XIX века. И наоборот, традиционно противопоставленные Беликову герои-«бунтари» Михаил и Варенька Коваленки увидены исследователем сниженными демократами-нигилистами, в духе пародийных образов Ситникова и Кукшиной из романа И. Тургенева «Отцы и дети».

Ранее мало знакомый материал и его своеобразное осмысление представлено в статье «"...Грозная анафема гудит" (загадки одного ахматовского восьмистишия)», выполненной в соавторстве В. Казариным и М. Новиковой (Украина, Киев). В работе рассматривается неопубликованный при жизни эспромт Ахматовой 1959 г. — одна из поздних рефлексий поэта на известное постановление ЦК ВКП(б) 1946 г., подвергшее громкой критике творчество поэтессы и Михаила Зощенко, отменённое лишь в 1988 г. В статье ученых в историко-социальном и историко-литературном контекстах прокомментированы знаковый ахматовский символ «анафема» и ключевые реалии-символы «Либавка» и «Владивосток». Исследовательский анализ обнаружил, что ахматовское восьмистишие обладает огромными интертекстуальными и интербиблиографическими связями. Его ассоциативно-историческое поле пространственно раскинута от Восточной Пруссии и Литвы в Европе до Средней Азии и Дальнего Востока, а во времени простирается от инквизиции Средневековья через большевизм, как своего рода религиозную институцию, через Первую мировую войну и Исход, воспринимаемые Ахматовой как звенья единой Российской Катастрофы, и далее через трагедию художников слова и в «граните» империи, и в «жесткой тупости» репрессивного режима. Как показано в работе, в противовес хронотопу забвения и смерти Ахматова создаёт хронотоп вечно живых творцов и друзей, побеждающих не насилием, но памятью.

Своеобразную грань исследовательской мысли демонстрирует работа Л. Оляндэр «Книга Ч. Милоша "Порабощенный разум" и путь к освобождению мысли и творчества» (Украина, Луцк). Цель исследователя состоит в том, чтобы через анализ структуры, дискурса, свойств наррации произведения Чеслава Милоша «Порабощенный разум» («Zniewolony rozum») охарактеризовать типологию и специфику деструктивных процессов в художественном творчестве, вызванных порабощением разума в современной литературе Польши, России, Украины, раскрыть сопротивление ему. В ходе исследования Оляндэра установлены типологические и специфические проявления деструкции в литературном процессе, последовательно рассмотрена антигуманистическая, антинародная сущность и деформирующая личность роль деструктивного процесса, формы противодействия несвободе личности и творчества.

Обложка «Султановские чтения»

Статья «Невидимое через видимое: роман Э. Дорра "Весь невидимый нам мир"» Ю. Стулова (Беларусь, Минск) посвящена роману современного американского писателя, вышедшему менее двух лет назад, который только начинает становиться предметом научного и критического осмысления. Между тем роман удостоен Пулитцеровской премии за 2015 г., и Стулова делает попытку выявить художественные стратегии писателя, определившие успех книги. В статье рассмотрены различные оценки романа Дорра, показан его оригинальный подход к показу событий Второй мировой войны – через выбор героев, манипуляции с хронотопом, исследование возможностей воздействия на сознание людей при помощи достижений техники, в частности, радио, внимание к «внутреннему» голосу человека, а также влияние травмы на поведение людей в кризисные моменты. Статья исследователя направлена на расширение круга новейших произведений, отражающих тенденции в развитии современной американской литературы.

О сборнике научных статей «Султановские чтения» можно было бы говорить больше и глубже – он заслуживает того. Однако важно подчеркнуть едва ли не главную и базовую черту сборника – его международный характер, готовность консолидировать силы славянских ученых, объединиться во имя высокой миссии научного знания, в интересах гуманитаризации современного общества и, как следствие, его гуманизации.

